

От капитуляции к перемирию

Развиваются отношения Шекспира и массового кинематографа

Лариса ЮСИПОВА

Без видимой причины — возможно, к пришедшейся на апрель 1564 date рождения Уильяма Шекспира, недалеко отстоящей от даты его смерти 52 года спустя, Центральный дом кинематографистов провел фестиваль «Шекспир на экране».

Во вторник, когда показывали «Влюбленного Шекспира», у входа образовалась давка, подобной которой не было в этих краях со времен российских премьер «Ностальгии» Тарковского и «Покаяния» Абуладзе. Демонстрировавшийся в последующие дни Невлюбленный Шекспир вызвал меньший ажиотаж.

Хотя интерес фестиваля именно в сочетании фильмов. Собранные вместе, а в российский прокат выходившие один за другим: «Ромео и Джульетта» Бэза Лурмана в позапрошлом году, «Гамлет» Кеннета Брана — в прошлом и «Влюбленный Шекспир» в нынешнем, — развернули перед зрителем историю не менее захватывающую, чем интрига любой из пьес. Историю о взаимоотношениях Шекспира и масскульта — такой как складывалась она в течение последних лет.

Действие нынешней киноверсии «Ромео и Джульетты» происходит в XX веке, «Гамлета» — в XIX, «Влюбленный Шекспир» ничем не отступил от буквы закона и расположился в конце XVI. Примерно так же, в обратном естественному порядке — от капитуляции к перемирию — складываются и отношения трех картин с массовой культурой.

На самом деле, конечно же, современен Шекспир, а говоря жестче — Шекспир в стиле «поп», стал появляться на экранах гораздо раньше, чем «пэтэушный», по выражению критика Тимофеевского, фильм Бэза Лурмана с Леонардо ди Каприо потряс интеллектуальные основы Берлинского фестиваля. Кстати, особенно везло «Ромео и Джульетте» — очевидно, из-за молодежной тематики пьесы. И ставшая классикой «Вестсайдская история», и знаменитый фильм Франко Дзеффирелли — тому подтверждение. Впрочем, в первом случае речь шла лишь об очень вольном скопировании по мотивам самой печальной на свете повести, во-втором — о самом настоящем костюмном фильме, пусть и с подчеркнуто современными пластикой и обликом исполнителей.

«Ромео + Джульетта» Лурмана восхищенная наглостью режиссе-

Кадр из фильма «Влюбленный Шекспир»

ра пресса сразу же окрестила «Шекспиром эпохи MTV»: клиповая эстетика, гангстерские разборки, ритм телевизионных новостей и суть трагедии, сводящаяся не к року и возмездью, а к тому, что «сбилась» дорожка скорости — открой Джульетта глаза на секунду раньше, и дело обернулось бы хеппи-эндом. И подобно тому, как самый популярный клип спустя совсем немного времени может стать безнадежно немодным, фильм Лурмана производства 1997 года уже в 1999-м выглядит устаревшим. Скучноватым, не слишком изобретательным и не лучшим образом сыгранным. Очередным подражанием Родригесу — с той лишь особенностью, что герои заговорили стихами.

Слишком легко стилю «поп» удалось завладеть территорией. Отсутствие напряжения борьбы культурных пластов обернулось отсутствием напряжения в фильме вообще. Именно эта борьба становится и внутренним смыслом, и главной пружиной действия «Гамлета» Кеннета Брана.

Один из самых популярных английских актеров поколения тридцатилетних, в 1984-м вступивший в труппу Королевского Шекспировского театра, сразу же получивший главную роль в «Генрихе V», а в 1988 дебютировавший как режиссер постановкой той же пьесы в кино, Брана вот уже несколько лет как негласно признан «главным по Шекспиру» не только в Европе, но и в Голливуде.

Его «Гамлет» разыгрывается в костюмах и декорациях прошлого века — соединение пышности российского двора и сумрачной германской государственности. И все же Брана далек от политических аллюзий. Его Эльсинор — это театр, последнее прибежище пусть не всегда добрых, но старых традиций. Ключок земли, который вот-вот будет отторгнут чужой и чуждой эстетикой — победой пусть праведных, но уж очень неблизких

по духу сил. Культурные идеалы новой эпохи надвигаются на замок победной поступью войск Фортинбраса. Но и сам «аристократ духа» Гамлет, поверженный в борьбе с родным злом и поднятый на щит чужой добродетелью, становится никем иным, как поп-героем, новым кумиром масс. Финал картины безысходно трагичен именно поэтому, а не потому что все умерли и дальше тишина.

Из этой наступившей тишины должно было бы выступить на авансцену чудовище. Но вышел усыпанный Оскарами «Влюбленный Шекспир» — костюмный, до тошноты в воспроизведении деталей эпохи фильм, с захватывающей интригой, до самого конца не ясной развязкой, бодрящим ритмом, резкими сюжетными поворотами и очаровательными зарисовками жизни кулис.

Фильм, насквозь пронизанный историческими и литературными аллюзиями — доставляющими особое удовольствие тем, кто их понимает. Но и не раздражающими тех, кому экранный облик драматурга Вебстера, предстало в фильме гнусного вида кровожадным подростком, или роскошного Кристофера (Кита) Марло, равно как и страсти, кипящие вокруг «стратфордской» и «нестратфордской» традиции, решительным образом безразличны.

Российский исследователь Шекспира, ярый «нестратфордианец» Илья Гилилов рассказывал мне однажды, как, осматривая картинную галерею в потомственном замке Рэтлендов, столкнулся с самим хозяином — потомком по боковой линии того самого Рэтленда, которого Гилилов, как и многие другие, склонен считать истинным автором шекспировских сочинений. «Вы знаете, что пьесы Великого барда написал ваш предок?» — спросил он. «Really?» («Неужели?») — пожал плечами граф и не выказал — тогда по крайней мере — особого интереса к теме.

«Влюбленный Шекспир» сочинен Томом Стоппардом и Джоном Мэдденом в том числе и для тех, кто на любой парадокс может ответить «really?» и пожать плечами. Кто интеллектуальным шарадам предпочитает сюжет, интригу и страсть. Он не сдался масскультуре. Он просто заставил ее себе подыграть. Как, кстати, было при появлении на свет шекспировских пьес. Недаром камера с таким интересом следит за публичкой, заполнявшей деревянный театр на премьере «Ромео и Джульетты» и состоящей не из одних эстетов.